

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

УДК 327:316.774(470+571):(73)
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-618-629

Геополитический аспект информационного противостояния РФ и США

Л.Ю. Медовкина

Донецкий национальный университет,
Украина, 83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24
E-mail: MedovkinaL@gmail.com

Аннотация. В работе проведен анализ протекания информационного конфликта с геополитической точки зрения между двумя ведущими акторами международных отношений: Россией и США. В рамках проводимого исследования отдельно изучена теоретическая составляющая вопроса, а также подходы некоторых американских и российских ученых к ведению информационных войн. На основе теоретических сведений проведен анализ современного состояния российско-американского информационного конфликта с привязкой к геополитическим устремлениям обоих государств. Практической базой для исследования послужил украинский кризис, который стал катализатором медийной агрессии стран Запада в отношении России. Другим примером стала Сирия, где информационное противостояние между рассматриваемыми странами также имело ожесточенный характер, так как помимо СМИ в противостоянии принимали участие и различного рода прозападные организации. В исследовании сделан вывод о том, что преобладающим фактором в информационном противостоянии между Россией и США является геополитическая сфера, обусловленная обоюдным стремлением двух государств превзойти друг друга.

Ключевые слова: США, РФ, информационная война, геополитика, общество, СМИ, информационная агрессия, конфликт.

Для цитирования: Медовкина Л.Ю. 2020. Геополитический аспект информационного противостояния РФ и США. *Via in tempore. История. Политология*, 47 (3): 618–629. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-618-629.

Geopolitical aspect of the information confrontation between the Russian Federation and the United States

Lina Y. Medovkina

Donetsk National University,
24 University St., Donetsk, 83001, Ukraine
E-mail: MedovkinaL@gmail.com

Abstract. The paper analyzes the course of the information conflict from a geopolitical point of view between two leading actors in international relations: the Russian Federation and the United States. The theoretical component of the issue as well as the approaches of some American and Russian scientists to the information warfare have been studied separately. On the basis of theoretical data, the analysis of the current state of the Russian-American information conflict with reference to the geopolitical aspirations of both states is carried out. The practical basis of the study was the Ukrainian crisis, which accelerated the processes of Western countries' media aggression against Russia. Another example was Syria, where

the information confrontation between the countries had a fierce character too, due to the media and various pro-western organizations which took part in the confrontation. The study concluded that the predominant factor in the information confrontation between the Russian Federation and the United States is the geopolitical sphere, determined by the mutual desire of two states to surpass each other.

Key words: USA, RF, information war, geopolitics, society, media, information aggression, conflict.

For citation: Medovkina L.J. 2020. Geopolitical aspect of the information confrontation between The Russian Federation and The United States. *Via in tempore. History and political science*, 47 (3): 618–629 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-618-629.

На сегодняшний день мир представляет собой сложную многоуровневую систему, в которую, помимо традиционных составных элементов, таких как экономика, политика, культура, человеческий прогресс привнес и новые. К новым компонентам следует отнести информацию. Развитие информационно-коммуникационных технологий во второй половине XX в. привело к началу формирования нового мирового уклада – информационного, где индустрия знания является основной производительной промышленностью.

В процессе формирования нового миропорядка кардинальные изменения претерпели такие сферы, как международные отношения, мировая политика и геополитика. В их структуру встраиваются новые элементы, порожденные информационной эпохой. В этом смысле глубокую реформацию переживает сегодня геополитика, которая переходит от классической борьбы государств за территорию к неоклассической. Особенно наглядно этот процесс демонстрирует современный российско-американский информационный конфликт. Именно поэтому в рамках исследуемой тематики будет рассмотрена геополитическая основа российско-американского информационного противостояния.

Следует отметить, что после информационной революции главным средством достижения геопревосходства стали информационные технологии. С геополитической точки зрения, информационное противостояние понимается как одна из современных форм конкуренции между государствами; также его трактуют как систему мер, применяемых одним геополитическим актором против другого с целью компрометации информационной безопасности последнего, параллельно защищая свое информационное пространство [Косов и др., 2015, с. 95–100].

Несмотря на огромное количество исследований, посвященных данной проблематике, стоит отметить, что сущность понятия «информационная война» до сих пор однозначно не определена. Наряду с этим практика информационных войн также носит дискуссионный характер, что еще раз подтверждает неоднозначность и многомерность рассматриваемого общественного явления. Таким образом, стоит еще раз отметить, что практический опыт все еще требует академического осмысления и выработки необходимой теоретической базы. Отсюда следует вывод о том, что теоретико-методологическая база исследования данной сферы еще долго будет оставаться крайне ограниченной.

В то же время сегодняшнее восприятие информационных войн выходит за границы сугубо военных действий. Информационное противостояние ведется не только в военное время, но и в моменты мирного сосуществования государств [Манойло, 2003]. Информационное воздействие из инструмента военных кампаний превращается в геополитический метод межгосударственного противостояния. Как следствие, государства, пренебрегая важностью разработки информационных методов в мирное время, обречены на провал в своей информационной политике. Таким образом, информация все чаще представляет собой не просто средство распространения знания, но и средство влияния на общественное мнение другого государства, средство военного противостояния и средства утверждения геополитического превосходства [Черняк, 2015, с. 242]. Следует отметить, что большинство геополитических концепций трактуют информацию в качестве опасного оружия из-за

ее неограниченного диапазона действия, легкодоступности, универсальности и трансграничности [Косов и др., 2015, с. 95–100].

Тема взаимосвязи геополитики и информации была неоднократно рассмотрена как отечественными, так и зарубежными авторами. Данную проблематику особенно пристально освещают такие российские исследователи как: И.Н. Панарин и А.Г. Дугин, которые посвятили немало работ вопросу использования информации в геополитических целях. Так, А.Г. Дугин в своей работе «Геополитика постмодерна» вводит термин сетечентричной войны, которую он трактует как создание новой информационной военной инфраструктуры с применением различного рода интерактивных элементов и новейших средств связи. Исходя из концепции сетечентризма, А.Г. Дугин создает евразийскую модель сетей войны, которая представляет собой ответ на информационную угрозу со стороны США [Панарин, 2016]. По мнению А.Г. Дугина, в рамках «Евразийской сети» необходимо сформировать специальную группу ученых и экспертов, основной целью которых станет разработка модели сети, объединяющей весь регион Евразии. Такая сеть должна быть основана на традициях американского постмодерна и информационном подходе с учетом российских реалий. Создание данного оборонительного рубежа позволит РФ успешно противостоять информационному давлению США. В противном случае, если концепция евразийской сети не будет осуществлена, то РФ проиграет информационное противостояние с США [Косов и др., 2015, с. 95–100]. Дугин А.Г. считает, что информационную войну можно выиграть только при условии использования сетевых средств борьбы, эффективных технологий, адаптированных к целям и задачам Российского государства, в том числе и геополитическим. В другом своем труде «Создание смыслов в электронную эру» А.Г. Дугин замечает следующее, а именно, что информационные войны сродни вооруженным выступлениям. Сеют хаос и страх, демонстрируют свои возможности в ходе профессионально подготовленных масштабных акций. Исследователь указывает на то, что заказные войны встраиваются в государственные перевороты, крупномасштабные экономические операции по завоеванию новых ресурсов, расширению рынков, устранению конкурентов. Становятся высокодоходным бизнесом на крови и страданиях людей [Дугин, 2005, с. 156]. Подтверждение данной идеи можно найти в бесчисленных примерах «цветных революций», а также в недавних событиях на Украине и в Сирии.

Другую концепцию информационного противостояния с Западом предложил И.Н. Панарин, в работах которого наблюдается четкая взаимосвязь геополитики и информационной войны. Изначально он утверждал, что РФ всячески необходимо противостоять информационной агрессии со стороны США и Европы. В этой связи он выделяет две волны антироссийской информационной агрессии. К первой он отнес период от перестройки до распада СССР, ко второй – начало 2000-х годов. Окончание второй волны, утверждает И.Н. Панарин, состоится только тогда, когда РФ сумеет отстоять свою Евразийскую идею, то есть геополитически закрепиться во всем Евразийском регионе, несмотря на сопротивление Запада. Отдельно И.Н. Панарин исследовал так называемые «бархатные/цветные революции» на территории постсоветского пространства, которые являются результатом негативной информационной деятельности США, направленной на подрыв геостратегического положения РФ в регионе. Исходя из концепции И.Н. Панарина, информационная война является крайней формой выражения сегодняшней геополитики и стала органической частью информационного противостояния между странами. Это противостояние всегда возникает на основе конфликта национальных интересов геополитических акторов в рамках глобального информационного мира. Кроме того, утверждается, что все геополитические успехи РФ на глобальном уровне напрямую связаны с преимуществом Российского государства в информационном противоборстве со странами-противниками. Основываясь на данном тезисе, И.Н. Панарин предлагает свою концепцию геополитического объединения – союз, который будет включать в себя пояс стран от хартленда до внутреннего полумесяца (от России до Египта и Китая).

Следует отметить, что в то же время в США разрабатывают новую модель информационной войны – сетевую войну. Основоположителем данной концепции считается Дж. Аркилла. В 1999 г. он вместе с Д. Ронфельдом предложил новую стратегию для США – «охраняемую открытость», где в качестве главного инструмента влияния предлагалось использовать тактику сетевых войн. Согласно выкладкам ученых, сетевая война ведется не государствами, а глобальными международными или региональными структурами, которые могут быть как легальными, так и нелегальными. Эксперты полагают, что «цветные революции» являются продуктом сетевой войны, которая доказала, что для победы над государством необязательно применять силу. Сетевая война стала одним из главных инструментов «мягкой силы» – внешнеполитической концепции, активно применяемой США с начала 1980-х гг. для осуществления своей внешнеполитической экспансии [Матвиенко и др., 2015, с. 165–170]. Понятие «мягкой силы» ввел в оборот Дж. Най в середине 1980-х гг. Он полагал, что настоящая сила государства выражается в его способности мирными методами добиваться от других стран желаемых результатов. Именно в этом и заключается суть «мягкой силы», которая предполагает влияние на внутривнутриполитическую ситуацию иностранного государства и изменение его внешней политики при помощи невоенных методов [J. Nye, 2004]. Говоря о «мягкой силе» США, Дж. Най именует ее «старой», то есть традиционной. В его понимании «старая мягкая сила» означает то, что ее основным ресурсом является привлекательность американской культуры, американских ценностей и образа жизни. Интересно, что для большинства мирового населения культура США действительно является эталонной. Такой вывод делается на основе опроса, проведенного более чем в 40 различных странах мира [J. Nye, 2004]. Согласно его результатам, около 80 % опрошенных считают достижения науки и техники США наиболее прорывными; 60 % респондентов слушают американскую музыку и смотрят американское телевидение. Кроме того, подавляющее большинство опрошенных полагает, что политическая идеология США является наиболее приемлемой для их государств. На современном этапе особую роль в процессе навязывания идеологии играют социальные сети, такие как Facebook или Twitter, которые становятся центрами популяризации американской культуры и идеологии [Матвиенко и др., 2015, с. 165–170]. Таким образом, США проявляет активность на многих площадках информационного поля, тем самым совершенствуя используемые методы информационной войны, а также изобретая новые. Становится очевидным, что социальные сети становятся еще одним оружием в информационном арсенале США, в частности, они подкрепляют позитивный имидж США, возвышая тем самым собственную национальную культуру и самобытность. Следует отметить, что такая популярность США за рубежом стала возможной благодаря развитию публичной дипломатии, наиболее эффективной для реализации «мягкой силы». При этом основная роль в рамках проекта публичной дипломатии отводится информационной мощи государства, ее способности контролировать информационные каналы, а также уровню развития национальной информационно-коммуникационной инфраструктуры.

Освещая данный вопрос в методологическом ракурсе, стоит отметить, что в проведении своей информационной политики Пентагон черпал ориентир из ряда доктринальных документов, принимаемых в различные периоды времени. Так, например, в конце 1998 года Комитетом начальников штабов ВС США была принята «Доктрина проведения информационных операций», в которой утверждалась нацеленность США проводить наступательные информационные операции как в военное время, так и в мирных условиях. При этом под информационными операциями подразумевалась борьба, в которой используют особые методы, способы и средства для влияния на информационное поле противостоящей стороны и обороны собственной информационной среды. В развитие данных принципов в 2011 г. в США была принята «Интернациональная стратегия США в киберпространстве» [International strategy..., 2011], в которой были указаны основные векторы американской дипломатии в деле создания мировой информационной среды посредством сетевых техно-

логий, а также обусловлены методы и способы информационного вмешательства. В новой Стратегии национальной кибербезопасности [National cyber strategy..., 2018], принятой администрацией Д. Трампа в 2018 г., акцентировано внимание на разработке методов обеспечения информационной безопасности на транспортной и морской инфраструктуре, а также в космосе. Как утверждается в стратегии, доступ в открытый космос и свобода действий там является основой экономического благосостояния государства. Таким образом, сфера применения информационных маневров США в последнее время значительно расширяется, охватывая не только земное пространство, но и космическое.

Исходя из сказанного выше, можно утверждать, что США обладает достаточным количеством ресурсов, средств и методов для осуществления политики «мягкой силы» в международных отношениях, что, в свою очередь, неразрывно связано с исполнением геополитических задач американского государства.

Роль информации в Российском государстве была кардинально переосмыслена в начале 2000-х гг. В том числе это было связано и с США, которые в этот период уже успешно использовали стратегию информационных войн для изменения внутривнутриполитического положения в других странах [Меньшиков, 2017, с. 3]. Хорошим примером является «Революция роз» в Грузии 2003 г. и «Оранжевая революция» на Украине 2004 г., где основную роль в их разжигании сыграли американские и проамериканские СМИ и НПО. Обе революции привели к смене режимов и приходу к власти прозападных лидеров, что означало захват Америкой важных геополитических центров, которые были расположены рядом с РФ [Цветкова и др., 2015, с. 68–75]. Это продемонстрировало российскому руководству, насколько важно развивать как рычаги информационного влияния, так и собственную систему информационной безопасности.

Следует отметить, что в рамках российско-американского информационного конфликта существует несколько «фронтов», на которых ведется геополитическое противостояние. Прежде всего это украинский кризис. Он приобрел свою актуальность с ноября 2013 г., когда в Киеве был организован так называемый «Майдан» – американский проект по свержению легитимного правительства В.Ф. Януковича [Бекман, 2015]. Основным требованием протестующих было подписание ассоциации с Европейским Союзом, которое действующий президент подписывать отказался из-за ряда условий, ущемлявших Украину. В Вашингтоне расценили данный шаг как разворот Украины на Восток в сторону России, чего американская элита не могла допустить. Поэтому было принято решение сменить власть силовым путем, но не прямо (с помощью американской армии, как это было, например, в Ираке 2003 г.), а при помощи специально подготовленной активной прослойки населения, которую США возвращали на Украине начиная с 1996 г. При освещении конфликта СМИ, такие как CNN, BBC, Euronews, NBC, Fox news и т. д., преподносили своей аудитории все происходящее на «Майдане» события как «мирный протест украинских граждан, стремящихся к интеграции с Европой, которые подавляет «кровавый режим В.Ф. Януковича» [Цветкова и др., 2015, с. 68–75]. Кроме того, упоминалась и РФ, которая, согласно западным информационным ресурсам, «спонсировала кровавую диктатуру В.Ф. Януковича». Подобные новости выходили ежедневно и ежечасно и, как результат, 90 % всего западного мира поверило такой интерпретации событий [Ukraine crisis..., 2014].

Российские же СМИ занимали в отношении киевских событий совершенно иную позицию, освещая реальную картину происходящего, показывая своей аудитории настоящее лицо «Майдана». Так, РИА Новости, ТАСС, ВГТРК «Россия», Первый канал подчеркивали, что пришедшая власть, так называемая «военная хунта», не имеет никакого права называться легитимной. Тем не менее большая часть их аудитории находилась в пределах РФ, следовательно, не могла серьезно влиять на общественное мнение западного мира, что обусловило поражение РФ в этой информационной войне и позволило США взять Украину под свой контроль, это выразилось в антиконституционной смене режима [Резниченко и др., 2016, с. 18–24].

После прихода нового нелегитимного правительства в Киеве в феврале 2014 г. на Украине произошел резкий разворот в сторону Запада, сразу же была подписана ассоциация с ЕС, а американские официальные лица лично приезжали в Киев для того, чтобы курировать деятельность новой власти. Таким образом, США ненасильственно смогли вернуть под контроль геополитический центр, который создает очаг нестабильности на границе с РФ. Последовавший конфликт на Донбассе – реакция несогласных с политикой новых властей – привел к очередному витку информационного конфликта по линии Россия – США [Бекман, 2015]. Это обусловлено тем, что геополитическое значение Донбасса как для РФ, так и для США достаточно велико, поэтому противоборство за информационный контроль над ним приобрело первостепенное значение. И снова США применяют тактику информационной агрессии, стремясь настроить западный мир против РФ, и ставят перед собой одну из основных задач – противодействие российской медийной экспансии, что подразумевает под собой продвижение российских СМИ на территории Европы и США. Если же РФ удастся в полной мере реализовать данный проект, западное общество может выйти из информационного контроля Соединенных Штатов [Бекман, 2015]. Однако на сегодняшний день РФ пока что не может произвести полномасштабное развертывание своих СМИ на Западе из-за активного противодействия со стороны американских властей и западных монопольных медиа: CNN, BBC и т. д. Поэтому США в информационной сфере все еще удается манипулировать и оказывать информационное, политическое и экономическое давление на РФ.

Другим узлом противоречий между США и РФ стал конфликт в Сирии. Антитеррористическая операция российских ВКС, начатая осенью 2015 г., открыла новый фронт информационной войны с Западом, еще более масштабной, чем прежде. Для оправдания действий западной коалиции в Сирии медийное воздействие на сирийское общество, а также формирование в европейской и американской информационной среде негативного образа режима Б. Асада началось еще в 2011 г. [Мартыненко, 2016, с. 9–10]. Так, в эфирах CNN и Euronews не раз демонстрировались митинги и протесты сирийских граждан против Б. Асада, которые на самом деле были созданы искусственно, благодаря лишь монтажу и декорациям, представлявшим собой имитацию сирийских улиц, на фоне которых стояли мнимые протестующие. Помимо этого, предоставлялись видеорепортажи с якобы настоящих антиправительственных демонстраций в Сирии, где народ требовал свержения режима Б. Асада. На самом деле эти митинги проходили в поддержку действующей власти. Западные массмедиа активно поддерживали сирийское оппозиционное движение – основную движущую силу государственного переворота в Сирии, который закончился неудачно [Мартыненко, 2016, с. 9–11].

Вместе с тем стоит отметить, что большинство иностранных СМИ еще накануне операции в Сирии негативно оценили намерения РФ укрепиться на Ближнем Востоке и оттеснить проблемы Украины на второй план. Таким образом, военная кампания РФ в большинстве информационных источников рассматривалась как геополитическая акция, направленная на получение долгосрочных выгод. В частности, аналитики американского издания Washington Post отмечают, что «администрация Обамы ответит на его [Путина] воинственные действия в Сирии так же, как она это сделала в случае с Украиной: согласится с его требованиями и убедит своих арабских союзников поступить точно так же» [Василенко и др., 2017]. Редакторы журнала The Atlantic рассматривали действия России с геополитических позиций. В одной из статей было указано, что российский президент крайне непредсказуем в своих действиях как на Украине, так и в Сирии. Следовательно, лидерам Западных государств необходимо вначале выявить намерения российского лидера и только после этого идти на конкретные решения, чтобы стать на его пути [Greene, 2015].

После этого американские и проамериканские СМИ стали навязывать обществу США и ЕС идею о военном вмешательстве в сирийский политический процесс. Подобный сценарий уже был апробирован в Ираке в 2003 г., куда американские войска вторглись под

предложением восстановления демократии, тогда как на самом деле Вашингтон стремился выбить крупного игрока с нефтяного рынка и не дать Ираку возможности стать ведущей державой Ближнего Востока. Поэтому, когда западная коалиция начала военную кампанию в Сирийском государстве под предлогом борьбы с террористическими организациями, европейское общество всячески поддержало эти действия [Мартыненко, 2016, с. 10–12]. Конечно, вторжение США в Сирию было продиктовано исключительно геополитическими и геоэкономическими целями. Прежде всего, необходимо было предотвратить распространение влияния Сирийского государства в регионе, взять под контроль нефтяные месторождения, не дать Ирану возможность стать сверхдержавой на Ближнем Востоке.

Однако вступление РФ в сирийский конфликт свело на нет все ранее достигнутые геополитические цели США. Для того чтобы изменить ситуацию, Вашингтон предпринял попытку информационного давления на Россию, что в совокупности с непрекращающейся информационной войной вокруг Донбасса должно было вынудить российское руководство вывести свои войска из Сирии. Так, распространялись ложные заявления о том, что правительство Б. Асада применяет химическое оружие против мирного населения Сирии, что якобы покрывает РФ. В эфирах CNN постоянно появлялись репортажи, где зрителям показывали разрушенные дома и раненых гражданских, которые пострадали от «российских авиаударов», когда на самом деле это были видео, снятые после авианалетов западной коалиции¹⁹⁶. Здесь мы можем видеть, что Западом применялась ранее апробированная стратегия, которую можно определить как «афганский сценарий» – информационную антисоветскую кампанию США, проводившуюся во время войны СССР в Афганистане. Данная стратегия основана на нескольких базовых принципах, включающих постоянное информационное давление на противника, нивелирование его положительного имиджа в мировом сообществе, предоставление ложной информации в отношении государства-противника (например, заявления американских политиков, репортажи СМИ о якобы имевших фактах военных преступлений СССР против мирного населения Афганистана) [Рабуш, 2017, с. 58–63]. Однако в современных условиях использование «афганского сценария» против РФ не принесло для США никаких ощутимых результатов. Во многом это обусловлено успешным ведением контринформационной войны со стороны РФ, которая, руководствуясь уроками украинского кризиса, смогла в кратчайшие сроки реформировать свою информационную систему.

В рамках новой информационной политики РФ усилила поддержку зарубежных СМИ: Russia Today и Sputnik news, что позволило им интенсифицировать свою деятельность на территории Америки и Европы. Подтверждением того, что RT и Sputnik работают эффективно и составляют конкуренцию монопольным западным СМИ, стала кампания по запрещению их деятельности, инициированная группой американских политиков в 2016 г. Позже к компании по запрещению деятельности российских СМИ присоединились такие государства, как Великобритания и Франция. Такое поведение государств западного мира демонстрирует, что они стремятся информационно изолировать РФ, не дав ей возможности доводить свою точку зрения, как правило, альтернативную остальным «Великим информационным державам», до мирового сообщества. Но стратегия информационной изоляции в современном мире, где существует большое количество способов «достать» необходимую информацию, просто не осуществима и изначально обречена на провал. Поэтому сегодня российские зарубежные информационные ресурсы продолжают свою деятельность и тем самым продвигают российскую точку зрения на происходящие в мире события [Десяев, 2016, с. 4].

Вместе с тем информационная глобализация, позволяющая российским СМИ действовать в мировом пространстве, имеет и обратную сторону. Из-за доступности информации возникает угроза информационной безопасности государства. Общество становит-

¹⁹⁶ URL: <http://edition.cnn.com/specials/middleeast/syria> (дата обращения: 12.07.2020).

ся более уязвимым к внешнему влиянию, осуществляемому посредством информационных ресурсов, социальных сетей и мессенджеров. Поэтому в условиях информационного противостояния особую актуальность приобретает задача по упрочнению системы информационной безопасности государства, что позволяет укрепить его национальную безопасность и оградить социум от деструктивного влияния других стран. Данная задача является важной и для РФ. Прежде всего, это обусловлено тем, что США стремятся «подорвать» российское государство изнутри путем информационного давления на российское сообщество [German, 2018, с. 22–28].

Следует отметить, что информационный захват России и всего постсоветского пространства США начали осуществлять с 1990-х гг. Их главной целью было насадить населению свою идеологию и ценностную матрицу, а также взять под контроль все информационные ресурсы государств региона. При этом основной акцент делался на Российское государство, которое даже после распада Советского Союза могло конкурировать с США. Тем самым американское правительство стремилось при помощи «мягкой силы» устранить своего основного геополитического противника [Цветкова и др., 2015, с. 68–69]. В период президентства Б. Ельцина Россия не имела полноценной системы информационной безопасности, что привело к засилью на ее территории американских фондов, неправительственных организаций, транснациональных корпораций и «независимых СМИ». Это позволило США перехватить контроль над всеми внутри- и внешнеполитическими процессами Российского государства и в 1990-е гг. устранить Россию с мировой и региональной геополитической арены [Бажутова, 2017, с. 173–175].

Коренным образом ситуация изменилась лишь с приходом к власти В.В. Путина. С 2000 г. началось реформирование информационной сферы РФ. Подтверждением этому стало принятие Доктрины информационной безопасности. В Доктрине ставилась задача создать конкурентоспособные российские информационные агентства и СМИ, что означало начало борьбы с засильем западных медиа на территории РФ [Алексеева, 2016, с. 97–102]. Таким образом, благодаря положениям Доктрины информационной безопасности, РФ удалось сохранить социальную стабильность во время начального этапа информационной войны с Западом в 2014–2016 гг. Более того, с 2000 г. Россия начала выстраивать и международную систему информационной безопасности, призванную нивелировать мировую информационную гегемонию США и посредством этого одержать важную геостратегическую победу. В рамках этого процесса на Генеральной Ассамблее ООН был принят проект российской резолюции, касающийся информационной безопасности и отношений государств в международной информационной сфере. В данной резолюции, в частности, отмечалось о недопустимости агрессивных действий одного государства в отношении другого в информационной сфере для достижения своих внешнеполитических целей. Подобные положения были прописаны и в проекте документа «Общая оценка проблем информационной безопасности. Угрозы международной информационной безопасности» [Международное сотрудничество..., 2004]. Следует отметить, что главным образом Россия в геополитическом информационном противостоянии с США делает акцент на международно-правовую систему, пытаясь создать своего рода объединение государств, которые способны противостоять американскому информационному влиянию [Зиновьева, 2012, с. 132–134].

Анализируя изложенное, можно сделать вывод, что информационное противостояние между США и РФ начиная с 2014 г. приобрело ожесточенный характер и из регионального конфликта перешло в конфликт глобальный. То есть этот конфликт перерос в геополитическую борьбу за преобладание в международной информационной сфере. Данная борьба ведется различными методами. Наиболее распространенным из них является пропаганда, осуществляемая посредством СМИ. Данная тактика в большей степени применяется США как для влияния на своих граждан, так и для навязывания своей точки зрения относительно тех или иных событий мировому сообществу. Для осуществления этой

задачи активно задействуются такие медиа, как CNN, NBC, BBC и т. д. Эти СМИ являются основными «фабриками пропаганды» западного мира, напрямую влияющими на сознание своих зрителей. Другим орудием информационной войны с РФ являются американские НПО и фонды, расположенные на российской территории и стремящиеся воздействовать непосредственно на ее граждан для дестабилизации ситуации в стране, создания оппозиционных движений и формирования революционной прослойки общества. Именно таким путем США стремятся добиться геополитического превосходства над РФ. В свою очередь, РФ применяет менее агрессивные методы в информационном противостоянии с Соединенными Штатами. В рамках данной борьбы российские массмедиа не стремятся навязывать свою точку зрения западной аудитории, а лишь предоставляют ей возможность получить правдивую картину происходящих в мире событий. Тем самым «мягко» влияя на западное общественное мнение, РФ обретает некоторое преимущество над США. Следующим важным направлением является обеспечение национальной информационной безопасности для защиты российского общества от деструктивного влияния американских и проамериканских информационных акторов (СМИ, фонды, организации и т. д.). На примере международного сотрудничества становится очевидным, что РФ приступила к построению «Евразийской сети» – геополитического информационного проекта, призванного оградиться от американского информационного воздействия. В данную сеть входят некоторые страны постсоветского пространства: Белоруссия, Казахстан, Таджикистан. Кроме того, к «Евразийской сети» присоединился и Китай, что является показателем успешности российской глобальной информационной политики.

Таким образом, очевидно, что мировой процесс сегодня определяют информационные потоки, а средства массовой информации наряду с прочими негосударственными акторами становятся действующими и активными участниками мировой политики. Следовательно, информация в сегодняшнем мире становится эффективным методом воздействия и противостояния, а кроме того, еще и атрибутом геополитики. Поэтому правительства многих государств принимают обновленные доктрины национальной кибербезопасности и усиливают свои действия в направлении обеспечения защиты собственного информационного пространства. Особенно активны в данном направлении РФ и США. Голословные взаимные и чаще всего необоснованные обвинения друг друга в информационных изданиях накаляют и без того непростые взаимоотношения между данными государствами, угрожая перерасти в милитаристскую плоскость. Очевидно, что геополитические интересы США и России сталкиваются практически в любой точке мира, однако в наше время все военные, социально-экономические и политические успехи или неудачи государства подкрепляются информационным сопровождением, что формирует общественное мнение в том или ином государстве. Поскольку гражданское общество также становится активным участником политических процессов, государственным лидерам приходится учитывать их мнение, тем самым геополитика США и РФ в настоящее время не может рассматриваться в отрыве от данных понятий. Таким образом, геополитическое соперничество между РФ и США определяется по следующему принципу – тот, кто контролирует информационные потоки и источники информации на определенной территории, тот будет контролировать и саму территорию.

Список литературы

1. Алексеева Е.В. 2016. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации как ключевой аспект правового обеспечения национальной безопасности в информационной сфере. Ленинградский юридический журнал. 4 (46): 97–103.
2. Бажутова И.А. 2017. Америко-российские отношения в 1990-е годы. – Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей VII Международной научно-практической конференции: в 4 частях. Пенза., Наука и Просвещение: 173–176.

3. Бекман Й. 2015. Тотальная война США против России: пять фронтов. Геополитика.ру., 13.04. URL: <http://www.geopolitica.ru/article/totalnaya-voyna-ssha-protiv-rossii-pyat-frontov> (дата обращения: 20.07.2020).
4. Василенко С.А., Аляутдинова Д.Ф. 2017. Особенности информационного сопровождения операции российских ВКС в Сирии мировыми СМИ. Kiberleninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-informatsionnogo-soprovozhdeniya-operatsii-rossiyskih-vks-v-sirii-mirovymi-smi> (дата обращения: 20.07.2020).
5. Десяев Д.Г. 2016. Политика противостояния в СМИ: Россия и США. Kiberleninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-protivostoyaniya-v-smi-rossiya-i-ssha> (дата обращения: 20.07.2020).
6. Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века. СПб., Амфора. ТИД Амфора, 382.
7. Зиновьева Е.С. 2012. Развитие информационного общества: проблемы безопасности. Вестник МГИМО Университета. 1 (22): 130–135.
8. Косов Ю.В., Вовенда Ю.В. 2015. Геополитические концепции информационного противоборства в российской общественной мысли. Управленческое консультирование. 10 (82): 95–100.
9. Манойло А.В. 2003. Государственная информационная политика в особых условиях. М., МИФИ, 388.
10. Мартыненко В.А. 2016. Характер информационной войны между Россией и США в Сирии. Общество: политика, экономика и право. 9: 9–12.
11. Матвиенко Ю.И., Галаева М.Г. 2015. «Мягкая сила» как фактор современной геополитики. Politbook. 1: 165–179.
12. Международное сотрудничество в области информационной безопасности. 2004. Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/mezhdunarodnaa-informacionnaa-bezopasnost/-/asset_publisher/UsCUTiw2pO53/content/id/486848 (дата обращения: 20.07.2020).
13. Меньшиков П.В. 2017. Эволюция государственной информационной политики в России. Международные коммуникации. 9 ноября. URL: <http://www.intcom-mgimo.ru/2017-04/state-information-policy-of-russia> (дата обращения: 12.07.2020).
14. Панарин И.Н. 2006. Информационная война и геополитика. М., Поколение, 560.
15. Рабуш Т.В. 2017. Пропагандистская война США и СССР вокруг вопроса о боевых действиях в Афганистане (1979–1989 гг.). Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 3: 58–65.
16. Резниченко Д.В., Каштальянова Ю.В. 2016. Приемы информационной войны в современных СМИ (на примере политического конфликта России и Украины в 2014–2015 гг.). Kiberleninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priyomy-informatsionnoy-voyny-v-sovremennyh-smi-na-primere-politicheskogo-konflikta-rossii-i-ukrainy-v-2014-2015-gg> (дата обращения: 12.07.2020).
17. Цветкова Н.А., Ярыгин Г.О. 2015. Участие публичной дипломатии США в политической трансформации Украины, 1990-е – 2000-е годы. Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 4: 68–82.
18. Черняк А.В. 2015. Власть и журналистика. Монография. М., Академия медиаиндустрии, 389.
19. German Maria A. 2018. Information warfare between Russia and the United States of America in the Syrian conflict. Евразийский союз ученых. 2–3 (47): 22–30.
20. Greene S. 2015. Watch What Putin Does, Not What He Says. The Atlantic. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2015/10/putin-syria-ukraine-russia/408562/> (дата обращения: 12.07.2020).
21. International strategy for cyberspace May 2011. Obama white house. Archives. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/rss_viewer/internationalstrategy_cyberspace.pdf (дата обращения: 12.07.2020)
22. National cyber strategy of the United States of America September 2018. Whitehouse.gov. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf> (дата обращения: 12.07.2020).
23. Nye J. 2004. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y., Public Affairs, 175.
24. Ukraine crisis: Timeline. 2014. BBC. URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-26248275> (дата обращения: 12.07.2020).

References

1. Alekseeva E.V. 2016. Doktrina informatsionnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii kak klyuchevoy aspekt pravovogo obespecheniya natsional'noy bezopasnosti v informatsionnoy sfere [The information security doctrine of the Russian Federation as a key aspect of the legal support of national security in the information sphere]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal*, 4 (46): 97–103.
2. Bazhutova I. A. 2017. Amerikano-rossiyskie otnosheniya v 1990e gody [US-Russia Relations in the 1990s]. *Fundamental'nye i prikladnye nauchnye issledovaniya: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsiya. Sbornik statey VII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: v 4 chastyakh*. Penza., Nauka i Prosveshchenie: 173–176.
3. Bekman Y. 2015. Total'naya voyna SShA protiv Rossii: pyat' frontov [Total war of the USA against Russia: five fronts.]. Available at: <http://www.geopolitica.ru/article/totalnaya-voyna-ssha-protiv-rossii-pyat-frontov> (accessed: 20.07.2020).
4. Vasilenko S.A, Alyautdinova D.F. 2017. Osobennosti informatsionnogo soprovozhdeniya operatsii rossiyskikh VKS v Sirii mirovymi SMI. Kiberleninka [Features of information support of the operation of the Russian Aerospace Forces in Syria by the world media]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-informatsionnogo-soprovozhdeniya-operatsii-rossiyskikh-vks-v-sirii-mirovymi-smi>(accessed: 20.07.2020).
5. Desyaev D.G. 2016. Politika protivostoyaniya v SMI: Rossiya i SShA [Confrontation policy in the media: Russia and the United States]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-protivostoyaniya-v-smi-rossiya-i-ssha> (accessed: 20.07.2020).
6. Dugin A.G. 2005. Geopolitika postmoderna. Vremena novykh imperiy. Ocherki geopolitiki XXI veka [Postmodern geopolitics. Times of new empires. Essays on the geopolitics of the XXI century] SPb., Amphora. TID Amphora: 382.
7. Zinov'eva E. S. 2012. Razvitie informatsionnogo obshchestva: problemy bezopasnosti [Development of the Information Society: Security Issues]. *Vestnik MGIMO Universiteta*. 1 (22): 130–135.
8. Kosov Yu.V., Vovenda Yu.V. 2015. Geopoliticheskie kontseptsii informatsionnogo protivoborstva v rossiyskoy obshchestvennoy mysli [Geopolitical concepts of information confrontation in Russian public thought]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. 10 (82): 95–100.
9. Manoylo A.V. 2003. Gosudarstvennaya informatsionnaya politika v osobykh usloviyakh [State information policy in special conditions]. M., MIFI, 388.
10. Martynenko V.A. 2016. Kharakter informatsionnoy voyny mezhdru Rossiei i SShA v Sirii [The nature of the information war between Russia and the United States in Syria]. *Obshchestvo: politika, ekonomika i pravo*. 9: 9–12.
11. Matvienko Yu.I., Galaeva M.G. 2015. «Myagkaya sila» kak faktor sovremennoy geopolitiki ["Soft power" as a factor in modern geopolitics]. *Politbook*. 1: 165–179.
12. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v oblasti informatsionnoy bezopasnosti [International cooperation in the field of information security]. 2004. Ofitsial'nyy sayt Ministerstvo inostrannykh del Rossiyskoy Federatsii. URL: http://www.mid.ru/mezhdunarodnaa-informacionnaa-bezopasnost/-/asset_publisher/UsCUTiw2pO53/content/id/486848 (accessed: 20.07.2020) (in Russian).
13. Men'shikov P.V. 2017. Evolyutsiya gosudarstvennoy informatsionnoy politiki v Rossii [Evolution of state information policy in Russia]. *Zhurnal Mezhdunarodnye kommunikatsii*. 9 noyabrya. URL: <http://www.intcom-mgimo.ru/2017-04/state-information-policy-of-russia> (accessed: 12.07.2020).
14. Panarin I.N. 2006. Informatsionnaya voyna i geopolitika [Information Warfare and Geopolitics]. Moscow, Pokoleniye, 560.
15. Rabush T.V. 2017. Propagandistskaya voyna SShA i SSSR vokrug voprosa o boevykh deystviyakh v Afganistane (1979–1989 gg.) [The propaganda war between the USA and the USSR over the issue of military operations in Afghanistan (1979–1989)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 3: 58–65.
16. Reznichenko D.V., Kashtal'yanova Yu.V. 2016. Priemy informatsionnoy voyny v sovremennykh SMI (na primere politicheskogo konflikta Rossii i Ukrainy v 2014–2015 gg.) [Information war techniques in modern media (on the example of the political conflict between Russia and Ukraine in 2014–2015)]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/priyomy-informatsionnoy-voyny-v-sovremennykh-smi-na-primere-politicheskogo-konflikta-rossii-i-ukrainy-v-2014-2015-gg> (accessed: 20.07.2020).

17. Tsvetkova N.A., Yarygin G.O. 2015. Uchastie publichnoy diplomatii SShA v politicheskoy transformatsii Ukrainy, 1990-e – 2000-e gody [Participation of US public diplomacy in the political transformation of Ukraine, 1990s – 2000s]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 4: 68–82.

18. Chernyak A.V. 2015. Vlast' i zhurnalistika [Power and journalism]. Moscow, Akademiya mediaindustrii, 389.

19. German Maria A. 2018. Information warfare between Russia and the United States of America in the Syrian conflict. Eurasian Union of Scientists, 2–3 (47): 22–30.

20. Greene S. 2015. Watch What Putin Does, Not What He Says. The Atlantic. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2015/10/putin-syria-ukraine-russia/408562/> (дата обращения: 12.07.2020).

21. International strategy for cyberspace May 2011. Obama white house. Archives. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/rss_viewer/internationalstrategy_cyberspace.pdf (дата обращения: 12.07.2020)

22. National cyber strategy of the United States of America September 2018. Whitehouse.gov. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf> (дата обращения: 12.07.2020).

23. Nye J. 2004. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y., Public Affairs, 175.

24. Ukraine crisis: Timeline. 2014. BBC. URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-26248275> (дата обращения: 12.07.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Медовкина Лина Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики Донецкого национального университета, г. Донецк, Украина

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lina Y. Medovkina, candidate of historical sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of international relations and foreign policy Donetsk National University, Donetsk, Ukraine